

Николай Васильевич Степунин

Отец сразу же, как только объявили о начале войны, ушел на фронт, как и большинство мужчин нашей деревни. Вся работа, все заботы о детях легла на плечи женщин. Дети тоже работали – с малых лет. Наша мама вместе с моей старшей сестрой Марусей - ей было десять - ходила на лесозаготовки: древесина требовалась местному спиртзаводу. Полученный за работу спирт обменивали на хлеб и крупу. Помню, как, возвращаясь затемно, они снимали ватные штаны, промороженные насквозь, и «ставили» их в угол, оттаивать.... У Маруси потом всю жизнь болели суставы на ногах, в старости она уже совсем не могла ходить – сказывались последствия этих работ.

По домам в деревне распределяли беженцев с запада – «дополнительные» рты, которые тоже надо было кормить. В нашем доме, одном из самых больших в деревне, беженцы появлялись постоянно. Помню женщину - чернявую, угрюмую, озлобленную, откуда она была – не знаю. Женщина укачивала свою маленькую дочку: «Цуруру, цуруру...». Мы так и прозвали ее - Цурура, настоящего имени ее так никто и не узнал. Потом в доме у нас поселились комиссованные после ранений (???) солдаты-украинцы, которые тоже работали на заготовке леса. Особенно запомнился один из них по фамилии Яценко. Он был такой огромный, что на него не нашлось валенок, поэтому он оставался дома и готовил еду: солдаты нас подкармливали, и это было немалым подспорьем в то время. Мы, маленькие, много времени проводили на печке, грелись, мылись в ней же.

Ближе к 1943 году в деревне стали появляться пленные немцы - их конвоировали на работы. Кормили, конечно, скудно, поэтому они ходили по деревне, побирались, просили картошку. «Могна?» - говорили они. Это означало: «Можно?» Их не гоняли, давали, что могли, хотя во многие дома уже пришли похоронки.

Отец вернулся домой в 1943 году после ранения. Он был пулеметчиком, раненый долго лежал на морозе, началась гангрена, пришлось ампутировать все пальцы на руках. Помню, как в избе собрались люди со всей деревни, расспрашивали, слушали, кто плакал, кто молчал. У отца руки забинтованы, бинты в крови и лекарстве каком-то, дети подходят и потихоньку трогают их.... Но он потом трудился, даже будучи инвалидом, – ему сделали специальный топор с узким топорищем, чтобы он мог ухватить его кульями. Все по хозяйству делал сам. Работал и в сторожах, и на пасеке, и возниким на

телеге, ходил по деревням класть печи. Я все время был вместе с ним, так и сам многому научился. Умер отец в 1963 году от рака крови.

Помню День Победы – как все плакали и обнимались. А осенью 1945-го я пошел в школу.